

Государственная культурная политика в контексте экономической и гуманитарной безопасности

А.Ю. Голобородько

Таганрогский институт имени А.П. Чехова, (филиал) "РГЭУ (РИНХ)"

Аннотация: В статье рассматривается природа взаимоотношения феноменов «сохранения национальных ценностных традиций» и «обеспечения экономического динамизма» в контексте укрепления национальной безопасности России в эпоху информационной революции и перехода к новому технологическому укладу, релевантными характеристиками которого являются, в частности, интеллектуализация производства, освоение новых технологий управления и непрерывного образования, формирование культурно-информационной среды.

На основе обращения к инструментарию государственной культурной политики как авторскому когнитивно-методологическому конструкту, призванному аккумулировать мощный защитно-охранительный потенциал российской культуры в практике государственного управления, описываются модели культурного просветительства и культурного строительства, ориентированные на ресурсное и технологическое обеспечение социально-культурного и экономического (в инновационном «ключе») развития страны посредством содержательного партнерства государства и общества.

Ключевые слова: Государственная культурная политика, национальная безопасность, культурное просветительство, культурное строительство, «мягкая сила», инновационное развитие

Как ни странно, но для такого распространенного явления, как финансовый или экономический кризис, нет устоявшегося и строгого определения [1]. Под кризисом вообще (от лат. crisis – поворотный пункт) понимается, как правило, "резкий надлом в каком-либо процессе, носящий чаще негативный характер" [2, с.6].

Впрочем, нередко подчеркивается, что кризис вносит в нашу жизнь не только негатив, но отчасти и позитив, заставляя двигаться вперед, порождая новые шансы для развития при его преодолении (широко известно, что слово "кризис" в Китае пишется двумя иероглифами, обозначающими "опасность" и "возможность"); если в ряде дефиниций подчеркивается провоцируемый кризисом эффект рассогласования, снижения эффективности и распада привычных систем, то в других определениях упор делается на роль кризиса как симптома болезни, позволяющего найти пути лечения [2, с.6-7]; что

касается экономических кризисов, то в современной литературе различаются две их разновидности: кризисы реального сектора, обусловленные, как правило, нарушением равновесия между спросом и предложением на рынках товаров и услуг, и финансовые кризисы, под которыми принято считать события, характеризующиеся тем, что финансовые активы резко теряют существенную часть своей стоимости на рынке.

Иллюстрация указанного тезиса в отношении описания подходов к рассмотрению природы экономических кризисов находит свое очевидное подтверждение в нынешних кризисных условиях функционирования российской экономики: не секрет, что одной из предпосылок усиления кризисных явлений в отечественной экономике прошлого года стало отставание объема товарной массы, производимой в стране, от уровня общих расходов государства и уровня заработной платы [3]. Ведь за последние десять лет среднемесячная заработная плата в стране выросла в 5.5 раз (с 7 тыс. рублей в 2003 г. до 39 тыс. рублей в 2013; при этом заработная плата таких категорий работающих, как госслужащие, военные, полиция выросла за эти же 10 лет более чем в 8 раз). Одновременно темпы роста предлагаемой товарной массы отечественными предприятиями были в несколько раз медленнее: развивался дисбаланс между производством и фондом оплаты труда, и сохранялась достаточно низкая производительность труда. Этот разрыв финансировался за счет сверхдоходов от нефтегазового сектора (высокие мировые цены); благодаря активному развитию сырьевых секторов экономики (их удельный вес в 2013 году превысил 50 % доходов федерального бюджета) в страну приходила "большая" валюта, позволявшая приобретать за рубежом огромную массу товаров и заполнять внутренний товарный рынок (по разным подсчетам, в Россию от 40 до 80 % всей товарной массы завозилось из-за рубежа).

... Но в 2014-ом году, как известно, сверхдоходы от продажи углеводородов "приказали долг жить", опустился "занавес санкций"... в этих условиях все более очевидными и востребованными становятся векторы построения модели устойчивой экономики, основанной на росте доли высокотехнологичных отраслей, развивающихся посредством активного внедрения инноваций в производство [3] и обеспечивающих движение российской экономики к завоеванию прочного "места под солнцем" в эпоху формирования, в общемировом измерении, нового технологического уклада.

Авторитетный российский экономист академик РАН С.Ю. Глазьев среди характерных признаков нового, шестого, технологического уклада выделяет, в частности, интеллектуализацию производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве сфер профессиональной деятельности [4, с.21], отмечая при этом, что "становление нового технологического уклада требует освоения новых технологий управления, опережающее овладение которыми в совокупности с подготовкой кадров являются приоритетами политики развития" [4, с.22] и, констатируя, что важным качественным измерением нового технологического уклада является его гуманитарный характер, который предъявляет высокие требования к системе воспроизводства интеллектуального потенциала – науке и образованию, а также формированию соответствующей культурно-информационной среды [4, с.39], «питательные силы» которой обращены, очевидно, в том числе на насыщение ментального пространства участников экономического процесса «духом инноваций».

Разделяя мнение С.Ю. Глазьева о том, что одним из действенных механизмов укрепления в общественном сознании современной России инновационно-ориентированного тренда, как условия эффективного управления качественным высокотехнологическим развитием отечественной

экономики с приоритетом на интеллектуализацию производства, является создание и поддержка в обществе соответствующей культурно-информационной среды, отметим, что опыт ряда стран сегодня убедительно доказывает, что именно культура способна стать ключевым фактором развития, поскольку она обладает потенциалом, который по долговременности и значимости преобладает над потенциалом экономических факторов. «Человек создан (преображен из животного) миром культуры. Дело культуры – дать нам знания, умения и мотивы, чтобы жить в обществе и непрерывно создавать его...» [5].

Усиленный современными инфо/телекоммуникационными технологиями, превращающимися в век информационной революции в эффективную ноосферную силу, культурный потенциал становится продуктивным ресурсом "мягкого воздействия" на сознание человека, инструментом его (человека) просвещения, убеждения и привлечения.

Бесспорным и не требующим аргументации является, на наш взгляд, постулат о том, что современное информационное общество значительно изменило природу власти и управления, которая сегодня переместилась в виртуальное пространство – в мир образов и символов; на авансцену этого виртуального пространства выходит «мягкая» власть культуры, информации и образов; ср. с мнением М. Кастельса, полагавшего, что новая власть заключается в информационных кодах, на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решения относительно своих поступков; центрами такой власти становятся умы людей.

Нам представляется, что принципиально важным в сегодняшних условиях социально-экономического развития нашей страны при активном позиционировании, в контексте целевого ориентира на поиск и внедрение технологий импортозамещения, «инновационноцентричных» векторов

общественного сознания, является разработка и активное внедрение нового инструментария в сфере политической власти и различных видах управления, направленных на массовое и групповое сознание [6, с.5] – иными словами, речь идет о целесообразности разработки и реализации социально-гуманитарной инноватики нового типа, востребованность которой стратегически значима «в контурах» укрепления экономического и гуманитарного измерений национальной безопасности современной России.

Нами, в парадигме политологической инноватики как составной части сферы социально-гуманитарных инноваций нового поколения разработан авторский когнитивно-методологический конструкт, представленный в виде государственной культурной политики, которая рассматривается в контексте обеспечения национальной безопасности современной России.

Описываемый нами в русле положений, определенных утвержденными Указом Президента РФ в конце 2014 года "Основами государственной культурной политики" (Основы государственной культурной политики. Утверждены 24 декабря 2014 г. Указом Президента РФ В.В. Путина № 808) инструментарий культурной политики как исследовательский конструкт, предусматривающий разработку комплекса управленческих решений, призван аккумулировать мощный защитно-охранительный культуры в практике государственного управления.

В ходе нашего исследования выявляются, в частности, тенденции нового понимания культуры в реализации национальных интересов России как основы государственности, ресурса социальной стабильности и экономического роста; определяются ценностно-смысловые основания культурной политики, её ресурсное и технологическое обеспечение.

Применительно к описываемой перспективе оптимизации функционирования в культурно-информационной среде современной России инструментария государственной культурной политики, призванного

обеспечить трансляцию в общественном сознании традиционных культурных ценностей как "мотиваторов" социально-экономического развития в инновационном ключе, представляется достаточно продуктивным, в аспекте изучения ресурсов "мягкого влияния и убеждения", рассмотрение лингвокультурных концептов как носителей и трансляторов ценностного ядра российской культуры.

Лингвокультурный концепт (являющийся базовой единицей лингвокультурологической концептологии, исследовательское поле которой формируется трихотомией "язык-сознание-культура") отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, гештальт и др.), акцентуацией именно ценностного элемента. Центром лингвокультурного концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [7];

Как известно, одним из возможных подходов к изучению лингвокультурных концептов является построение их ассоциативной модели. Лингвокультурный концепт функционирует как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами; интенсивность функционирования концепта выражается в сумме двух показателей – номинативной плотности и метафорической диффузности [8, с.52]; лингвокультурный концепт является двусторонним ассоциативным феноменом: его языковую реализацию нельзя сводить лишь к процессу означивания его собственного референта; параллельно всегда протекает процесс эксплуатации концепта для означивания других сущностей, выражающийся во вторичных (автономных или фразеологических значениях имени концепта [8, с.54-55].

В лингвокультурном концепте выделяется интразона (совокупность

«входов в концепт» = его номинативная плотность) и экстразона (совокупность выходов = его метафорическая диффузность): полагаем, одним из измерений рассмотрения лингвокультурных концептов в контексте разработки продуктивного инструментария «мягкого влияния» может являться описание условий обогащения интразоны концепта посредством развития его экстразоны.

В качестве примера рассмотрим лингвокультурный концепт «труд».

В русской концептосфере «труд» традиционно осмысливается как духовная смысложизненная ценность ([9], [10]); считаем в этой связи, что одной из важнейших задач государственной культурной политики как обладающей потенциалом влияния в общественном сознании коммуникативно-управленческой технологии в условиях поиска ресурсов качественного экономического развития должна стать системная когнитивно-информационная деятельность, направленная на трансляцию ценности труда как этического и духовного императива, содержательного обогащения его номинативной плотности и развития метафорической диффузности в этическом и духовном измерении.

Считаем, в качестве релевантного инструментария трансляции в «поле» общественного сознания страны лингвокультурных концептов (в частности, концепта «труд») может быть рассмотрено культурное просветительство как модель концептуализации ценностей в контексте культурного строительства (В.Э. Багдасарян, например, выделяет несколько базовых вопросов, с которых начинается культурное строительство, в частности: что есть добро и зло? что есть человек? куда мы идем, в чем наш идеал? откуда мы пошли, в чем наше прошлое? [11]); ср. с мнением итальянского политика XIX в. Джузеппе Мадзини: «Страна – это не просто некая территория. Страна в подлинном смысле – это идея» [12, с. 121].

Исучаемое в предлагаемом контексте культурное просветительство как

коммуникативно-когнитивная деятельность способно, на наш взгляд, выступить одним из инструментов сознательного определения личностью своего отношения к национальному культурно-ценностному ядру, манифестируемому посредством активно функционирующих в информационном пространстве лингвокультурных концептов; ведь «человек (в терминологии С.Л. Рубинштейна [13, с. 312]) есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему... для человека как личности фундаментальное значение имеет сознание, не только как знание, но и как отношение».

Предположим в этой связи, что значимые, содержащие ценности, элементы национальной (в гражданско-цивилизационном аспекте) концептосферы, активно транслируемые по различным каналам коммуникаций (например, концепты «труд», «совесть», «ответственность»), способны превращаться в «деонтические понятия» (по терминологии Ф. Херманнса) современного российского общественного сознания, иными словами, быть не только «индикаторами» общественных исторических процессов, но выступать «факторами» этих процессов.

Полагаем, серьезная, кропотливая, целенаправленная работа по внедрению при помощи инструментария инфо/телекоммуникационных технологий (печатные и электронные СМИ, телевидение) культурно-просветительского контента в «текст» современного пространства социальных/профессиональных коммуникаций может и должна обеспечить, с одной стороны, расширение среды трансляции в обществе базовых оснований национальной культуры как мотиваторов осмысления подлинных ценностей жизнедеятельности (в том числе экономической активности), а, с другой, – выступить эффективным инструментом противодействия усилиям, предпринимаемым некоторыми силами (в том числе, «внешними»), по подрыву национального ценностного ядра и ослаблению гуманитарной

безопасности современной России.

Известно, например, что среди приемов, направленных на подрыв культурного фундамента, наиболее распространенными являются, в частности, дезавуирование прежних героев и формирование комплекса национальной неполноценности (см., например, [11]), распространение которых предназначено, в частности, для постулирования в общественном сознании современной России ложных установок и позиционирования, зачастую в качестве единственно возможной, траектории развития страны как периферии мировой экономики, её сырьевого придатка.

Признавая, что перечень представленных подходов к рассмотрению возможностей трансляции в пространстве общественного сознания потенциала аккумулированных в лингвокультурных концептах национальных ценностей как «мотиваторов» социально-экономической активности носит в значительной степени условный и предварительный характер, считаем, что описываемый инструментарий культурного просветительства имеет очевидные перспективы в аспекте укрепления традиций российской пассионарности как особого измерения исторической памяти и инструмента развития инновационно-ориентированного мышления наших сограждан, являя собой, в нашем понимании, уникальную когнитивно-мировоззренческую предпосылку экономической и гуманитарной безопасности России.

В заключение подчеркнем, что исторически российская государственность строилась как государство-цивилизация [14, с. 47]; государства-цивилизации полифоничны и гетерогенны: они легитимизируют культурно-цивилизационную идентичность, выдвигая интегративный идентификатор для всей общности.

Разделяя мнение ряда авторитетных отечественных руководителей, экспертов и исследователей (В.И. Якунин, С.Г. Кара-Мурза, В.Э Багдасарян,

С.Ю. Глазьев и др.) о том, Россия не может и не должна ни при каких условиях копировать в точном соответствии с «моделью оригинала» путь социально-экономического развития, при котором абсолютное доминирование получают установки на индивидуализацию и атомизацию человека, при котором [10, с. 27] «жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений», и при котором «человеческие сообщества становятся короткоживущими, а социальная структура – размытой», предположим, что в нынешних условиях развития российской государственности тренды на сохранение национальных ценностных традиций (=культурно-гуманитарная безопасность) и обеспечение экономического динамизма (=инновационно-экономическая безопасность) являются взаимообусловленными и взаимозависимыми, способствуя укреплению атрибутивных и содержательных аспектов национальной безопасности современной России посредством мощного защитно-охранительного потенциала культуры, оптимизирующего возможности столь необходимого в условиях информационной эпохи (см., например, [15, с.20]) продуктивного партнерства государства и общества в защите национальных интересов, способствуя как преодолению существующих противоречий (управленческого, мировоззренческого и др. измерений), вызовов и угроз, так и обогащению ресурсной базы модернизационных процессов в экономике как факторов обеспечения безопасности (см., например, [17], [18]).

Литература

1. Crisis definition on \ URL: dictionary.reference.com.
2. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Аверкова Н.А., Багдасарян В.Э., Богдан И.В., Вершин А.А., Генюш С.В., Деева М.В., Коробкова А.Ю., Куропаткина О.В., Орлов И.Б., Сафонова Ю.А., Сулакшина А.С., Шестопалова А.В. Политическое измерение мировых финансовых

- кризисов. Феноменология, теория, устранение. М.: Научный эксперт, 2012. – 632с.
3. Винокуров М. О валютном кризисе России в 2014 году // Аргументы недели №49(441)25 декабря 2014г. – 14 января 2015г. С.10.
 4. Глазьев С.Ю. О стратегии экономического развития России на ближайшую и среднесрочную перспективы // Государственная политика и управление современной России в сфере экономики. Материалы научного семинара. Вып. 3 (50). – М.: Научный эксперт, 2012г. – 117с.
 5. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществознание. Часть вторая. Курс лекций. Лекция 14. М.: Научный эксперт, 2012. – 255с.
 6. Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных инноваций. Брошюра. – Ростов н/Д.: Редакционно-издательский центр ЮРИФ РАНХиГС, 2012. – 72 с.
 7. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – с. 3-16;
 8. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград: Перемена. 2004. – 340с.
 9. Бердяев Н.А., Смысл истории/Москва «Мысль» 1990. – 173 с.
 10. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.В., Сафонова Ю.А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография – М.: Научный эксперт, 2012. – 288 с.
 11. Багдасарян В.Э. Культурное просветительство в системе национальной безопасности России \ URL: cnsr.ru.
 12. A Cosmopolitanism of Nations: Giuseppe Mazzini's Writings on Democracy, Nation Building, and International Relations (Stefano Recchia and Nadia Urbinati, eds.). Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010, p.121.
 13. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. 358с.
-

14. Багдасарян В.Э. Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 47–50.
15. Moilanen T., Rainisto S. Yow to Brand Nations, Cities and Destinations: a Planning Book for Place Branding. Palgrave Macmillan, 2009. pp. 20.
16. Климова Н.В. Ресурсообеспеченность – основа экономической безопасности организаций аграрной сферы // Инженерный вестник Дона, 2012, № 1 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2012/665.
17. Горбачева А.А., Купченко А.Ю. Противоречия управления в обеспечении продовольственной безопасности России // Инженерный вестник Дона, 2014, № 2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2014/2334.

References

1. Crisis definition on dictionary. URL: reference.com.
 2. Jakunin V.I., Sulakshin S.S., Averkova N.A., Bagdasarjan V.Je., Bogdan I.V., Vershin A.A., Genjush S.V., Deeva M.V., Korobkova A.Ju., Kuropatkina O.V., Orlov I.B., Safonova Ju.A., Sulakshina A.S., Shestopalova A.V. Politicheskoe izmerenie mirovyh finansovyh krizisov. Fenomenologija, teorija, ustranenie [Political measurement of world financial crises. Phenomenology, theory, elimination]. M.: Nauchnyj jekspert, 2012. 632 p.
 3. Vinokurov M. Argumenty nedeli №49 (441)25 dekabrja 2014g. 14 janvarja 2015g. P.10.
 4. Glaz'ev S.Ju. Gosudarstvennaja politika i upravlenie sovremennoj Rossii v sfere jekonomiki. Materialy nauchnogo seminaru. Vyp. 3 (50). M.: Nauchnyj jekspert, 2012g. 117 p.;
 5. Kara-Murza S.G. Krizisnoe obshhestvoznanie. Chast' vtoraja. Kurs lek-cij. Lekcija 14. [Crisis social science. Part second. The course of lectures. Lecture 14.] M.: Nauchnyj jekspert, 2012.255 p.
-

6. Starostin A.M. Filosofija social'no-gumanitarnyh innovacij. Broshjura [Philosophy of social and humanitarian innovations. Brochure]. Rostov n/D.: Redakcionno-izdatel'skij centr JuRIF RANHiGS, 2012. 72 p.
 7. Karasik V.I. Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty. Volgograd-Arangel'sk: Peremena, 1996. pp. 3-16.
 8. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty [Lingvokulturological concepts and metaconcepts]: Monografija. Volgograd: Peremena. 2004. 340 p.
 9. Berdjajev N.A., Smysl istorii [The sense of history] Moskva «Mysl'» 1990. 173 p.
 10. Jakunin V.I., Sulakshin S.S., Bagdasarjan V.Je., Kara-Murza S.G., Deeva M.V., Safonova Ju.A. Postindustrializm. Opyt kriticheskogo analiza. [Postindustrializm. Experience of the critical analysis.] Monografija M.: Nauchnyj jekspert, 2012. 288 p.
 11. Bagdasarjan V.Je. URL: cnsr.ru.
 12. A Cosmopolitanism of Nations: Giuseppe Mazzini's Writings on Democracy, Nation Building, and International Relations (Stefano Recchia and Nadia Urbinati, eds.). Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010, p.121.
 13. Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie. [Life and consciousness] M., 1957. 358p.
 14. Bagdasarjan V.Je. Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2014. T. 7, № 1. pp. 47-50.
 15. Moilanen T., Rainisto S. Yow to Brand Nations, Cities and Destinations: a Planning Book for Place Branding. Palgrave Macmillan, 2009. p. 20.
 16. Klimova N.V., Inženernyj vestnik Dona (Rus), 2012, №1. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2012/665.
 17. Gorbachyova A.A., Kupchenko A.Yu. Inženernyj vestnik Dona (Rus), 2014, №2. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2014/2334.
-